А.А. Турилов

«Шибла слава… к Торнову»: об одном орфографическом аргументе в пользу ранней датировки «Задонщины»

Как известно, упоминание в пространной редакции «Задонщины» столицы Второго Болгарского царства среди городов и местностей, к которым «шибла слава» Куликовской победы, по разному трактуется сторонниками раннего и позднего происхождения текста. Для первых это практически terminus ante quem, поскольку в 1394 г. город был взят войсками османского султана Баязида I «Молнии» (Ильдрима) и Тырновское царство прекратило свое существование (Тихомиров 1957, 258-259). Для вторых это свидетельство того, что когда «в конце XV в. Русь вышла на мировую арену, и этому подобал более широкий резонанс Куликовской победы, … черемиса, Устюг и неопределенное «до чяхов, до ляхов» заменены Царьградом, Тырновом и Кафой» (Зимин 2006, 69), с уточнением, что «появление Тырнова в поздней редакции Задонщины, возможно, находится еще в связи с тем, что в Никоновской летописи (которой автор редакции несомненно пользовался) наблюдается стремление прославить митрополита Киприана, болгарина по происхождению, и это прославление, как показал А.А. Шахматов, ведет нас к XVI в.» (Зимин 2006, 69). Почитание Киприана на Руси в XVI в. несомненно наблюдается – его память встречается в месяцесловах, было написано его проложное житие, идеализированное описание его внешности было включено в Иконописный подлинник (Флоря, Турилов, Преображенский 2013, 641, 643). Беда лишь в том, что и в это время, и позднее в Москве митрополита считали не болгарином, а сербом по происхождению – на это недвусмысленно указывает и начало его жития, и известный отзыв о Киприане Максима Грека, донесенный до нас старцем Нилом Курлятевых (Ковтун 1975, 96-97), и Степенная книга (Степенная книга 2008, 108), и, наконец, сама Никоновская летопись (ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 194). Версия эта благополучно дожила в отечественной литературе до XX в. и еще во второй половине 1940-х гг. ее вынужден был с горячностью болгарского патриота энергично оспаривать академик Й. Иванов (Иванов 1982, 58-66). Что до «более широкого резонанса», то нелишне напомнить, что в «плаче» о христианских странах, завоеванных турками, помещенном в Хронографе редакции 1512 г. после рассказа о стоянии на Угре, упомянут вовсе не Тырнов, а страна / народ «Болгаре» (ПСРЛ., М., 2005. Т. 22. С. 502). В совокупности все это по меньшей мере подрывает силу и значимость перечисленных рассуждений.

Обратимся, однако, непосредственно к форме передачи топонима в «Задонщине». Написание «ТОРнов» представляет вполне естественную приведение среднеболгарского «ТРЪнов» в соответствии с восточнославянскими правописными нормами и явно содержит в себе датирующий момент. Дело в том, что подобная «русификация» орфографии характерна только для раннего этапа «второго южнославянского влияния» последней четверти XIV – первой половины XV вв., примерно до рубежа 1400-1410-х гг. Позднее в древнерусских рукописях обычными становятся южнославянские (чаще среднеболгарские, реже сербские) правописные нормы. В большинстве случаев смена орфографии сопровождается сменой типа почерка – русский устав (либо «старший» полуустав) сменяется «младшим» полууставом, южнославянским по происхождению. Показателен пример двух идентичных по составу (явно восходящих к общему оригиналу) и современных друг другу (1410-е гг.), монашеских сборников, основу которых составляет Патерик Азбучный и Иерусалимский (Ярославль, Музей-заповедник, инв. № 5479, и РНБ, собр. М.П. Погодина, № 876). Первый (вероятно, ярославского происхождения) написан старшим полууставом (почти уставом) с выдержанной древнерусской орфографией, второй (почти несомненно московский) младшим полууставом и практически без отклонений от среднеболгарского правописания. Обе рукописи (соответственно, л. 301 – 304 и 314 об. – 321) содержат широко известное послание патриарха Евфимия Тырновского к Киприану мниху (в первом случае – «ТОРновьскаго», во втором «ТРЪновьскаго» (Иванова 1983, 452) в заглавии).

Однако указанной парой вариантов орфографическая ситуация с топонимом и производными от него не ограничивается. Не позднее 1420-х гг. в восточнославянских рукописях получают известность и распространение ресавские правописные нормы, характерные для сербской и (отчасти) болгарской традиции. Применительно к Тырнову это дает написание «ТРЬнову» и русифицированную форму «ТЕРнову». Обе формы быстро занимают господствующее положение. Так, в древнейшем полном русском комплекте Стишного Пролога 1429 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.I), № 715, 717, 720) топоним встречается 5 раз, 4 в форме «ТЕРнов» ((№ 717, л. 379 об., 395, 399 об.; № 720, л. 230 об. – соответственно, южнославянские жития Иоанна Рыльского, Параскевы-Петки Тырновской, повесть о перенесении мощей Илариона, епископа Мегленского, и житие Саввы Сербского) и один раз (в соответствии с более ранней практикой) как «ТРЪнов» (№ 720, л. 70 об. – житие Михаила Воина). Некоторое время (вероятно, до середины – второй трети XV в.) варианты написания топонима с Ъ и с Ь (и русифицированная форма последнего) в русских рукописях сосуществуют (см., к примеру «ТРЪновьскаго» в заголовках похвального слова патриарха Евфимия св. царям

Константину и Елене и жития преподобной Филофеи «Темнишской» (т.е. «Темничной») в Сборнике житий и похвальных слов первой трети – второй четверти этого столетия – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 754, л. 171, 291 об.), но древнейшая русифицированная форма явно выходит из употребления. В позднейшей рукописной традиции, включая и XVI в. формы «ТРЬнов» и (реже) «ТЕРнов» абсолютно преобладают (как в списках Стишного Пролога, так и в заголовках сочинений патриарха Евфимия. Поэтому, если бы пространная редакция Задонщины создавалась в последней четверти XV в. – начале XVI в. (дата Музейского списка), в рассматриваемом пассаже читалось бы, несомненно, «к ТРЬнову» либо «к ТЕРнову». К слову, у Ефросина, в пересказе проложного жития Илариона Мегленского в составе сборника РНБ, Кир-Бел. № 22/1099, л. 116 об. топоним (единственный случай его употребления этим книжником помимо «Задонщины») дан именно в последнем написании (Каган, Понырко, Рождественская 1980, 30). Уместно напомнить, что та же форма читается в Хронографе редакции 1512 г. (ПСРЛ. Т. 22. Вып. 1. С. 386, 392, 394), преобладает она и в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 9, 145; Т. 10, 45-47, 226; Т. 11, 154 – здесь «ТРЪнов»). Вообще, форма «ТЕРнов» прочно вошла в русский книжный язык и господствовала там по крайней мере до начала XX в.: достаточно вспомнить генеалогическую легенду рода Воейковых конца XVII в. (Полывянный 1986, 121, 122), хотя ее автор явно смешивал столицу Болгарии с Торнау / Торунью, старообрядческую мистификацию 1726 (?) г. «Вопросы Менандра Гумбертова» (Иванова 1981, 474), и наименование болгарского патриарха Евфимия «Терновским» в отечественной научной литературе XIX – начала XX столетий (Сырку 1890, Сырку 1898; Розанов 1911, 172, и др.). Появление более близкой к современной формы «ТУРнов» (но не «ТОРнов») в документальных источниках (делах о приезде в Москву болгарского и греческого духовенства) XVII – XVIII вв. (Бантыш-Каменский 2001, 74, 98, 109, 157) явно связано с восприятием топонима на слух. Но и здесь с нею соседствует, представленное даже большим числом примеров, традиционное «ТЕРнов» (Бантыш-Каменский 2001, 33, 40, 41, 254, 267).

Таким образом, представляется, что в случае с «Торновом» мы имеем небольшое, но вполне надежное свидетельство древности (не позднее начала XV в.) пространной редакции Задонщины. Т.е. приведенный орфографический аргумент вполне согласуется с исторической датировкой создания памятника – до взятия Тырнова османами (1394) и во время пребывания митрополита Киприана на общерусской митрополичьей кафедре (1381-1382, 1390-1406), причем более вероятным представляется – в силу большей актуальности сюжета – первый из периодов.

Бантыш-Каменский Н.Н. Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел: Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1. М., 2001.
Зимин А.А. Слово о полку Игореве. Спб., 2006.
Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М.П. Погодин. София, 1983.
Иванов Й. Избрани произведения. София, 1982. Т. 1.
Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ., Л. 1980. Т. 35. С. 3-300.
Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII вв. Л., 1975.
Полывянный Д.И. К истории болгаро-русских связей конца XIV в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986. С. 12-12.
Розанов С.П. Источники, время составления и личность составителя Феодосиевской редакции жития Саввы Сербского // ИОРЯС, СПб., 1911. Т. 16. Кн. 2. С. 160-196.
Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2008. Т. 2.
Сырку П.А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890. Т. 1. Вып. 2 (Литургические труды патриарха Евфимия Терновского); 1898. Вып. 1 (Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского).
Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV – XVI вв. М., 1957. С. 258-259.
Флоря Б.Н., Турилов А.А., Преображенский А.С. Киприан митрополит // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33.